

Т.М. Ковалева

Новосибирский государственный педагогический университет

Коммуникативные стратегии в творчестве Н.В. Гоголя

Аннотация: Статья посвящена проблеме функционирования гоголевского дискурса в аспекте рецепции. Выявляются и рассматриваются коммуникативные стратегии автора и читателя в контексте общего для гоголевского творчества императивного типа дискурсивности.

The article is devoted to the functioning of Gogol's discourse in the aspect of the reception. Communicative strategies of the author and the reader are revealed and discussed in the context of the imperative discourse which is common to Gogol's works.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативная стратегия / тактика, паратекст, эксплицитный / имплицитный автор и читатель, автокомментирование.

Discourse, communicative strategy / tactics, paratext, explicit / implicit author and reader, author comments.

УДК: 821. 161. 1 (092) Гоголь Н.В.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ, ИФМИП, кафедра русской литературы и теории литературы. Тел. (383) 2440952. E-mail: ifmir@nsru.net.

В. Зеньковский в работе «Возврат к церковному мировоззрению. Н.В. Гоголь», проблематизируя факт коммуникативного провала «Выбранных мест...», описывает гоголевскую художественную концепцию как «эстетическую утопию», в рамках которой Гоголь пытается «доказать самому себе полезность искусства» [Зеньковский, 2001, с. 175]. Морализаторская интенция, как отмечают многие исследователи (в частности, М. Вайскопф), была присуща Гоголю на протяжении всего его творческого пути. В коммуникативном аспекте подобная установка репрезентирует такой тип дискурса, идеальным адресатом которого выступает реципиент, «способный корректировать свое жизненное мышление и жизненное поведение в соответствии с сообщенными ему императивами» [Тюпа, 2006, с. 284]. Эксплицированная Гоголем в «Выбранных местах...» модель читателя, который должен абсолютно солидаризироваться с экзистенциальной позицией автора, оказывается принципиально несовпадающей с позицией читателя-ученика, который в императивном дискурсе характеризуется моментом этического становления. Разрыв между эксплицированной моделью читателя (мыслимой Гоголем как идеальная модель), призванной оправдать бытие Автора, и конкретным читателем, который последовательно дискредитирует его мессианскую позицию (например, объявление Гоголя сумасшедшим; утратившим дар), провоцирует в творчестве Гоголя ряд коммуникативных тактик, направленных на сближение горизонтов ожидания текста и читателя: например, появление текста «Авторская исповедь», выступающего в статусе комментария к «Выбранным местам...», сжигание второго тома «Мертвых душ» и т. п.

Нужно отметить, что подобные авторские жесты присутствовали в поведенческой стратегии Гоголя и до провала «Выбранных мест...» (уничтожение «Ганца Кюхельгартена», обращение к читателю в предисловии ко второму изданию

«Мертвых душ»). Это дает нам возможность предположить, что данные коммуникативные тактики, которые, как отмечает В.И. Тюпа, «формируются и управляются самим деятелем» встраиваются в некую систему высшего порядка. Эту систему Тюпа именуется коммуникативной стратегией: в отличие от коммуникативной тактики она может свободно избираться автором, «после чего свободно избранная стратегия ограничивает деятеля, навязывает ему базовые параметры его коммуникативного поведения» [Тюпа, 2006, с. 276].

Магистральной коммуникативной стратегией в творчестве Гоголя становится стратегия автокомментирования. В повестях цикла «Вечера...» это явление выразилось в эстетическом осмыслении паратекста. Предисловия, глоссарии, эпиграфы и прочее, что Ж. Женнет называет паратекстом, основной функцией которого является указание на то, как текст должен читаться, в ранних гоголевских текстах становятся частью художественного высказывания. В предисловии или примечании начинают проявляться художественные воплощения авторского начала. Например, предисловие к «Вечерам...» или примечание, описывающее традицию колядования в повести «Ночь перед Рождеством», в конце которого появляется приписка: «Замечание пасичника». Сверхзначимым в коммуникативном аспекте становится сам факт включения предисловия, примечания, глоссария в композиционную структуру, манифестируемый авторское намерение устранить коммуникативную дистанцию между автором и читателем в аспекте этически значимой для гоголевского творчества оппозиции свой / чужой. Такой манипуляционный ход в ранних повестях Гоголя был призван восстановить экзистенциальную позицию национально-карнавального СО-бытия для всех членов коммуникативного акта.

Но, как известно, идея карнавального творения мира оказывается несостоятельной уже в «Вечерах...». Уже в ранних повестях Гоголя появляются так называемые «отходы от всеобщего действия» [Манн, 1988, с. 11], в которых рассказчик выбирает для себя и имплицитного читателя позицию стороннего наблюдателя, что фиксирует распад национально-карнавального единства на нарративном уровне. Попытка Гоголя использовать стратегию «хорового единогласия» [Тюпа, 2006, с. 288] оказывается непродуктивной не только в аспекте экзегезиса, но и в диегетическом аспекте. Достаточно вспомнить ставший классическим пример Ю. Манна о «подтанцовывающих старушках», в котором он видит факт вторжения в карнавальное мир inferнального-инородного элемента.

В «Вие», т.е. более поздней повести Гоголя, чтение молитвы также оказывается недейственным – Хома Брут погибает. Молитва как высказывание, представляющее собой «иллокутивный акт прямого речевого воздействия» [Тюпа 2009, с. 147], функционирует по законам перформативного дискурса.

Не только по причине цензурных самоограничений, но и по причине того, что «о молитве как внешнем или даже внутреннем поведении человека можно рассказать, но сама молитвенная трансценденция наррации недоступна» [Там же], референтным содержанием гоголевского художественного высказывания становится эксплицированная модель чтения: «Уже около часу читал он и начинал несколько уставать и подкашливать» [Гоголь, 1984, с. 177], через несколько страниц: «Он только крестился да читал как попало молитвы» [Там же, с. 183]. Переживание героем inferнального вторжения провоцирует появление альтернативного дискурса – заклинания: «Ведь она не встанет из своего гроба, потому что побойтся божьего слова», через абзац: «Что, если поднимется она, если встанет она», еще через абзац: «Она идет прямо к нему. В страхе он очертил около себя круг. С усилием начал читать молитвы и произносить заклинания, которым научил его один монах, видевший всю жизнь свою ведьм и нечистых духов» [Там же, с. 175]. Заклинание, как и молитва, выполняя функцию перформативного творения действительности, отличается от нее не только конструктом адресата высказывания, но и статусом адресанта. Если молитва есть просьба, то заклинание есть

императив, требование, повеление – высказывание, имеющее принудительный характер. Если через молитву творит Бог, то через заклинание творит сам говорящий. Подменяя данного имплицитным автором адресата, Хома Брут начинает сам творить сюжетное инобытие: «Вот, вот встанет! Вот поднимется, вот выглянет из гроба» [Гоголь, 1984, с. 175], – и через абзац панночка действительно идет к нему.

Поскольку перформативный молитвенный дискурс в онтологическом смысле не может содержать в себе ошибочного механизма творения действительности, в аспекте диегезиса Гоголем-автором начинает рефлексироваться момент авторской и читательской ответственности за сохранение границ между бытием и небытием, что ведет к культивированию императивной модели творения, т. е. прямого авторского намерения перевоспитать читателя посредством открыто транслируемых идеологем.

В творчестве Гоголя намечаются две разнонаправленных, но взаимодополняющих коммуникативных стратегии, которые, так или иначе, связаны с рефлексией границ художественного текста. С одной стороны, выявляется тенденция к комментированию собственного слова (например, корпус текстов-приложений к комедии «Ревизор»). С другой стороны, в «петербургских повестях» Гоголем-автором начинает активно использоваться нарративный прием игры с компетенцией повествователя (одним из первых на это указал Б. Эйхенбаум), в рамках которого возможен демонстративный отказ нарратора от собственной интерпретации. Подобный прием, призванный «реабилитировать» художественность, в коммуникативном аспекте манифестирует дискредитирующую стратегию автора или, так называемую, «иронию текста», задача которой сводится к тому, чтобы возвращать читателя к подлинной реальности, напоминая ему, что предмет его переживаний – вымысел (см. об этом: [Изер, 2004, с. 201–224]). Напряженный выбор Гоголя-автора между стремлением преодолеть художественность и стремлением остаться в рамках художественного дискурса и составляют суть практического воплощения гоголевской «эстетической утопии».

В повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» можно наблюдать эксплицитную технику размывания границ текста, которая в потенциале включает в себе оба эти стремления. Высокая маркированность (под которой Ю. Шатин понимает «меру легитимности границ текста по отношению к внутренней логике текста» [Шатин, 2011, с. 94]) конца текста, а вернее его отсутствия, поскольку читателю сообщается, что в последние листки тетрадки были завернуты пирожки, обратно пропорциональна плотности (под которой понимается «мера проницаемости границ, т. е. способности пропускать / не пропускать сигналы внешнего мира» [Там же]) как начальной границы текста, поскольку рассказчик отмечает, что с этой историей случилась еще история, так и конечной, поскольку за читателем остается возможность, *хотя и иллюзорная*, додумать о том, что же все-таки было в следующей главе. Принципиально открытая форма текста провоцирует переход, который условно можно обозначить как переход от изоморфного текста к гомоморфному (см. об этом: [Там же, с. 93–98]), т. е. от перформативного к бесконечно самопорождающему тексту.

Подтверждая очень меткое замечание В. Набокова о том, что Гоголь начинал планировать сожжение своего собственного текста сразу же после публикации, нужно сказать, что символический отказ Гоголя от своих текстов в «Выбранных местах...» можно помыслить как своеобразную альтернативу буквальному уничтожению текста. Если переосмыслить идею о том, что автор является Творцом художественной действительности, и предположить, что намеренное уничтожение текста тоже может являться авторским актом именно в коммуникативном плане (поскольку происходит разрыв коммуникативной цепи), то данный факт можно рассмотреть как альтернативу стратегии автокомментирования, провоцирующий возврат к изначальному переживанию того, что «присутствует во мне как пустота, предназначенная к заполнению словами» [Рикер, 1995, с. 382].

С одной стороны, Гоголь задается идеей создать идеальный текст, который бы не требовал автокомментария. Он формирует вокруг себя реальную коммуникативную ситуацию. В предисловии ко второму изданию «Мертвых душ» он просит читателя (кем бы он ни был) присылать ему замечания и поправки. Подобная коммуникативная реакция Гоголя мотивируется идеей создания единого текста коллективного авторства, который был бы понятен всем и, как следствие, не нуждался бы в комментариях. С другой стороны, Гоголь формирует вокруг себя такую коммуникативную ситуацию, в которой коммуникации нет. Сжигая текст, Гоголь присваивает его себе, уничтожая при этом потенциально присутствующую всегда позицию реципиента, и возвращается к идеальному замыслу, который нельзя воплотить, но можно описать, что он и начинает делать в своих последних нехудожественных текстах.

Таким образом, специфика процесса текстопорождения в творчестве Гоголя состоит в напряженном выборе Гоголя-автора между тем, чтобы создать изоморфный текст (как пример, несостоявшаяся трилогия «Мертвых душ») и тем самым избавиться от хаотической и разрушающей активности читателя и осознанием невозможности создания такого текста, что провоцирует стратегию бесконечного автокомментирования, т. е. дописывания «неидеального» текста до состояния, при котором текст будет определять реальную действительность. Альтернативным вариантом в этой системе явилось императивное творение реальности, которое выразилось в стратегии эксплицитного конструирования своего идеального читателя в поздних текстах.

Литература

- Гоголь Н.В. Вий // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т. 2. С. 147–185.
Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001.
Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория: антология. М., 2004. С. 201–224.
Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовина. М., 1995.
Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М., 2006.
Тюпа В.И. Дискурсивная практика теоретического мышления // Критика и семиотика. 2009. Вып. 13. С. 142–151.
Шатин Ю.В. Граница текста как семиотическая категория // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2011. Т. 10. Вып. 6: Журналистика. С. 93–98.